

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

THE NORTH-CAUCASIAN YOUNG PEOPLE'S JURIDICAL CONSCIOUSNESS

© 2015 Османова Н. М.

Главное бюро медико-социальной экспертизы по Республике Дагестан

© 2015 Osmanova N. M.

Main Bureau of Medical-Social Expertise for the Republic of Dagestan

Резюме. В статье представлены общие результаты эмпирического исследования особенностей правового сознания дагестанской и чеченской студенческой молодежи. Для сравнения используются данные русских студентов, полученные на московской выборке.

Abstract. The author of the article represents the overall results of empirical studies of the Dagestan and Chechen students' juridical consciousness peculiarities. For comparison, she uses the Russian students' data, obtained from Moscow sample.

Rezjume. V statye predstavleni obshchie rezultati empiricheskogo issledovaniya osobennostey pravovogo soznaniya dagestanskoj i chechenskoj studencheskoj molodeji. Dlya sravneniya ispolzuutsya dannie russkih studentov, poluchennye na moskovskoj viborke.

Ключевые слова: правовое сознание, диагностика, достоверность различий, социальные факторы.

Keywords: juridical consciousness, diagnostics, reliability of differences, social factors.

Kluczevie slova: pravovoe soznanie, diagnostika, dostovernosn razlichij, socialnie faktori.

К настоящему времени проведено совсем немного сравнительных кросс-культурных исследований, которые могли бы показать уникальность правовых принципов и представлений современных этносов. Также мало данных относительно различий и сходства правового сознания граждан на территории современной России. Игнорирование данной проблемы приводят ко многим искажениям в правовом сознании – в форме правового нигилизма, аномии, недоверия к праву в целом.

Принципиальным для нашей работы является положение о том, что наиболее существенными внешними факторами развития индивидуального правового сознания являются [2. С. 109] социальные группы, которые вырабатывают, конструируют эти представления в соответствии с приоритетными ценностями, нормами, обычаями и традициями. Однако, на методологическую ограниченность данной позиции указывает М. В. Гладких. По мнению автора [1. С. 146], следует

признать для понимания правосознания и мотивации человеческих поступков значительную роль в этих процессах эмоциональной, а также иррациональной, интуитивной, динамичной бессознательной деятельности. Только вместе все эти составляющие представляют целостную картину психической жизни. Принимая во внимание необходимость учета несознаваемых и эмоциональных компонентов в правовом сознании (психоаналитическая традиция), они в нашей работе не исследуются.

Соответственно, методология исследования в данных терминах предполагает, что естественно-правовое сознание, оценивающее сущее и должное в позитивном (реальном) праве, детерминировано внешне – экономическими и социальными факторами (быт определяет сознание), и взаимосвязи экономического и социального статуса и особенностей правосознания трактуются как «экономический детерминизм», но не

наоборот. Теоретической основой нашей экспериментальной работы является принцип изучения психических явлений, в котором выделяется правовое сознание и поведение. При этом предполагается, что деятельность и сознание взаимно обуславливают друг друга, но не идентичны.

Одним из ведущих специалистов в области правового сознания О. А. Гулевич [3. С. 38-53] указывается, что наиболее распространенными методами исследования правосознания в любом его понимании являются опросы, причем метод анкетирования встречается чаще. Он используется для изучения большинства компонентов правосознания (мнения, образов, аттитудов, знаний, ценностных ориентации, мотивов поведения) на любом из трех уровней (индивидуальном, малой группы, большой группы), а также для анализа влияния компонентов одного уровня на компоненты другого, например, общественного мнения на индивидуальное. Также используются опросники для измерения аттитудов людей к закону в целом и отдельным его видам, к наказанию, в частности, смертной казни, к преступникам и преступности, а также к правовым институтам: судам и полиции.

Часто диагностируется общее отношение к закону. Так, в исследовании И. А. Петрулевич [5. С. 340-341; 268] предлагается вопрос: «Как, на Ваш взгляд, нужно относиться к закону?» и несколько альтернатив ответа. Ряд вопросов исследования М. Ю. Попова [6. С. 414] направлены на диагностику отношения к самосуду. Более всего согласия с утверждением: «самосуд – это естественное право человека по защите своей чести и достоинства, когда утрачена вера в справедливость судебной системы». Также часто исследуются представления о целях наказания. Например, это может быть вопрос: «Какие по Вашему мнению, основные цели преследует уголовное наказание?». При этом предлагается выбирать три наиболее важных ответа из ряда альтернатива. В исследованиях пределов криминализации, проведенных ранее Г. Х. Ефремовой и А. Р. Ратиновым [4] предлагалось определить их самостоятельно – назвать поступки, которые должны преследоваться по уголовному кодексу (или не преследоваться). Представление о справедливости наказания диагностируется в методике О. В. Протасовой [7. С. 69], это

общее понятие о справедливом наказании, но более детально проблема справедливого наказания диагностируется в вопросе: «Какое наказание, по Вашему мнению, должно применяться за совершение перечисленных ниже преступлений?» Предлагается спектр преступлений и спектр стандартных наказаний, между которыми следует установить соответствие. Помимо указанных аспектов правового сознания исследуется отношение к преступникам и преступлениям, суду и полиции, возможности нарушения закона, справедливости процесса, иным проблемам.

В нашем исследовании основное внимание было уделено следующим аспектам. В анкете диагностируются: пол, возраст, образование, доход, иные социальные факторы. Опросник состоял из нескольких независимых частей: Методика «Соблюдение закона» (25 вопросов) диагностирует условия соблюдения и нарушения закона, отношение к самосуду. Далее исследовалась «Цель наказания» – предлагается из ряда целей наказания (всего 7) выбрать наиболее значимые и проранжировать их. В методике «Справедливое наказание» предлагалось 24 разных правонарушений (имущественных, насильственных, против личности, государства и т. д.), и широкий спектр наказаний (от освобождения от наказания до смертной казни), из которых предлагалось выбрать наиболее адекватное (или вовсе не считать что-то преступлением). В методике «Оценка поступка» – 25 вопросов – диагностируется отношение к ряду поступков, некоторые из которых не являются сейчас преступлениями (аборт, проституция), являются только административными нарушениями (управление автомобилем в нетрезвом виде), или стоят на грани нарушения уголовного кодекса (употребление наркотиков, сопротивление полиции). Соответственно, использовались помимо анкеты четыре методики, каждая направлена на особый аспект правового сознания – условие соблюдения закона, цель наказания, понятие о справедливом наказании, субъективная допустимость поступка.

Психометрические данные.

Необходимо отметить, что указанные методики использовались ранее в социально-психологических исследованиях. Они были несколько модифицированы, но не являются собственной разработкой.

Относительно данных методик не приводятся психометрические данные, тем не менее, исходя из представленных авторами данных, методики обладают рядом характеристик. **Конструктивная** (construct) валидность – представлены теоретические описания диагностируемого феномена. **Содержательная** валидность – имеются задания на все рассматриваемые структурные звенья правового сознания. **Репрезентативность** – каждый из исследованных феноменов представлен несколькими дескрипторами (высказываниями). **Дискриминативность** (этот показатель называется также **текущей** валидностью). Методики хорошо дифференцируют возрастные группы, гендерные и этнические, а также испытуемых внутри однородных по составу групп. В ряде случаев, если исследование проводилось среди осужденных, выявлялись особенности правового сознания криминалитета. Для анализа данных использовался U-критерий Манна-Уитни.

Выборка. По данной методике было опрошено 64 чеченца, 67 чеченок, 73 дагестанца мужчин, 99 дагестанок, 55 русских мужчин, 105 русских женщин.

Межэтнические особенности

За соблюдение законов как мужчины, так и женщины трех разных этносов, вполне определенно высказываются при ряде условий. Эти законы не должны вызывать массовых протестов (так полагает 69-78 % ответивших в разных группах), противоречить нормам морали и совести, религии. Не считают должным оправданием массовое нарушение законов другими (61-82 % ответивших), мнение друзей, успех. К самосуду скорее негативное, но не столь определенное отношение. Во многих случаях, однако, мнения не столь единодушны, часто разделены практически поровну.

Достоверных отличий между группами выявлено немного, прежде всего это видно как некоторый приоритет традиций над законом у чеченцев, а также приоритет религии над законом на Северном Кавказе в целом, тогда как у русских несколько большая ориентация на близких при решении нарушить закон.

Отношение к самосуду, в отличие от отношения к нарушению закона, очень неоднозначно. Ни по одному из вопросов нет подавляющего большинства сторонников или противников, и не

отмечено никаких различий между группами. В целом около половины за исключительно судебное возмездие. Но при этом также многие (около 40 % в каждой группе) допускают самосуд, если закон слишком мягок по отношению к преступнику.

Ожидаемо строгое наказание всеми группами предполагается за терроризм, убийство, изнасилование (от двадцати лет заключения до смертной казни), мягкое (в большинстве ответов на уровне освобождения от наказания или штрафа) – за уклонение от уплаты налогов, алиментов, армии. Строже отношение у чеченцев и дагестанцев (чем у русских) к сексуальным преступлениям (сексу с несовершеннолетними, вовлечению в проституцию), у русских – к кражам, разбоям, побоям. В некоторых случаях видим отличие у дагестанцев от остальных групп в мягкости наказаний. Однако, следует принимать во внимание, что разброс мнений в большинстве случаев весьма существенный. Например, можно видеть большой разброс мнений относительно наказаний за побои, тяжкие телесные повреждения. Относительное единство мнений видно только в тех вопросах, которые, по мнению респондентов, не предполагают лишения свободы, например, уклонение от службы в армии.

Главная цель наказания, которую чаще всего (25,7 % от всех выборов) выбирают среди трех возможных вариантов, которую при этом часто (особенно женщины; до 60 % дагестанки и русские) ставят на первое место среди трех выборов – это изоляция преступника, защита общества. На последующих местах стоят три функции наказания, между ними нет большой разницы в значимости, и они условно занимают второе – четвертое места. Это «кара, воздаяние за нарушение закона» отмечается не очень часто (13,6 % от всех выборов), но часто ставится на первое место по значимости, особенно эту роль наказания отмечают дагестанцы, а также чеченские женщины. Идея исправления и перевоспитания виновного указывается чаще, но на первое место по значимости ее ставят реже. Концепция предупреждения нового преступления страхом наказания также имеет достаточно сторонников.

Наоборот, редко как значимые цели наказания отмечаются «осуждение; демонстрация недопустимости поступка»;

«предостережение другим», если их указывают, то на первые места ставят нечасто. Идея возмещения (10,2 % от всех выборов) несколько популярнее, но на первые места в некоторых группах (у чеченцев) ее вообще не ставят, в остальных – реже других.

Ведущая цель наказания по единодушному мнению всех опрошенных - изоляция преступника, защита общества. На втором месте стоят примерно равные по значимости цели – (кара) воздаяние, перевоспитание, предупреждение страхом наказания. Не являются значимыми такие цели наказания, как возмещение, предостережение, осуждение, при этом достоверных отличий между группами не выявлено.

Оценки отдельных поступков «на грани преступления» у мужчин трех этносов часто существенно расходятся. Примерно в половине случаев русские достоверно отличаются от чеченцев и дагестанцев, при этом отличие не просто достоверное. Иногда видно, что поступок оценивается как диаметрально противоположный – как недопустимый (со стороны этносов Северного Кавказа), и как заслуживающий снисходительного отношения (русскими). В ряде случаев особой строгостью отличаются чеченцы по сравнению с дагестанцами.

С одной стороны, все группы одинаково крайне негативно относятся к отказу от новорожденного ребенка, к пьяной езде на автомобиле – это недопустимо примерно в 90 % в первом случае, 80 % - во втором. С другой - практически все мужчины и женщины Северного Кавказа отметили как недопустимые сексуальные девиации – проституцию и гомосексуализм, тогда как у русских отношение гораздо лояльнее (достоверно на 1 % уровне значимости) и предполагает в трети случаев снисходительное отношение, в трети случаев - оправдание (иногда допустимо). Практически те же цифры и их соотношение можно видеть при оценке употребления наркотиков. Здесь отмечается менее строгое отношение русских к аборт, супружеской измене и эвтаназии. Чеченцы и дагестанцы осуждают это гораздо строже русских. Выявлено более лояльное отношение у всех испытуемых к поступкам, которые не решают напрямую жизнь и судьбу человека. Тем не менее, в целом существенно строже отношение чеченцев и дагестанцев к

выпивке на работе, к азартным играм на деньги, нецензурным выражениям. Снисходительное отношение к ним у большинства русских выявлено различие достоверно (1 % уровень значимых различий).

Роль социальных факторов в правовом сознании относительно невелика. Отличий между мужчинами и женщинами относительно немного, прежде всего это касается чеченцев и дагестанцев. В целом же мужчины строже в наказаниях, русские особенно – при оценке экономических преступлений. С другой стороны, мужчины лояльнее в оценке разных форм «сомнительного» поведения.

Роль возраста, образования, дохода и т. д. очень невелика. Уровень религиозности и приверженность идее власти церкви (прежде всего шариату) отчасти связаны с отношением к праву. Чем выше уровень религиозности (у респондентов Северного Кавказа), тем достоверно больше уверенность в том, что законы надо соблюдать при их соответствии личным убеждениям, традициям, Божественному закону. Религиозность связана с оценкой тяжести преступлений - суровее к осквернению религиозных храмов, вовлечению в проституцию. Жестче у верующих отношение к наркотикам, аборт, эвтаназии, проституции, гомосексуализму, отказу от новорожденного, азартным играм, самоубийству и пьянству на работе. Тем не менее, с уровнем религиозности степень табуированности указанных поступков связана слабо. Сами связи, даже достоверные на 1 % уровне значимости, очень слабые, редко превышают уровень 0,3.

Таким образом, мнения студенческой молодежи в отношении ряда проблем права четко определены. В целом все вполне определенно высказываются за соблюдение законов при ряде условий – они не должны вызывать массовых протестов, противоречить нормам морали и совести, религии. К самосуду скорее негативное, но не столь определенное отношение. Достоверных отличий между группами выявлено немного, прежде всего это некоторый приоритет традиций над законом у чеченцев, а также приоритет религии над законом на Северном Кавказе в целом.

Строгое наказание всеми группами предполагается за терроризм, убийство, изнасилование, мягкое – за уклонение от уплаты налогов, алиментов, армии (в

большинстве случаев ответственность небольшая). Строже отношение у чеченцев и дагестанцев к сексуальным преступлениям, к осквернению религиозных храмов, у русских - к терроризму, убийствам, разбоям, побоям.

Ведущая цель наказания по единодушному мнению всех опрошенных - изоляция преступника, защита общества. На втором месте стоят примерно равные по значимости цели – (кара) воздаяние, перевоспитание, предупреждение страхом наказания. Не являются значимыми такие цели наказания, как возмещение, предостережение, осуждение.

Определенные тенденции выявлены в отношении к условно аморальным поступкам, которые стоят на грани нарушения закона. Практически не подлежат оправданию у чеченцев и дагестанцев сексуальные девиации – проституция и гомосексуализм, тогда как русские предполагают проституцию

недопустимой существенно реже, относятся снисходительно к гомосексуализму. Близкие цифры и их соотношение можно видеть при оценке употребления наркотиков, аборта, самоубийства.

Лояльнее у всех групп отношение к поступкам, которые не решают напрямую жизнь и судьбу человека. Тем не менее, в целом строже чеченцы и дагестанцы, и существенно лояльнее русские к выпивке на работе, азартным играм на деньги, нецензурным выражениям -различие достоверно.

При анализе различий в правовом сознании основным фактором являются кросс-культурные различия. На условных полюсах стоят чеченцы и русские, промежуточное положение между ними (ближе к чеченцам) занимают дагестанцы. Роль возраста, образования, дохода и т. д. очень невелика, пол и религиозность хотя и оказывает определенное влияние на правовое сознание, но также небольшое.

Литература

1. Гладких М. В. Понятие индивидуального правосознания в свете психоаналитической теории: Дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2004. 181 с. 2. Голынчик Е. О. Социальные представления о справедливости // Мир психологии. 2004. № 3. С. 108-116. 3. Гулевич О. А. Социальные представления о преступлениях, преступниках, жертвах и о работниках правовых институтов: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1999. 264 с. 4. Ефремова Г. Х., Ратинов А. Р. Изучение правосознания и общественного мнения о преступности и деятельности правоохранительных органов. М., 1989. 119 с. 5. Петрулевич И. А. Общность коллективных представлений правового сознания в условиях дифференциации современного российского общества: Дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-н/Д, 2009. 408 с. 6. Попов М. Ю. Правовая социализация личности как ресурс социального порядка в российском обществе: Дис. ... д-ра соц. наук. Ростов-н/Д, 2006. 433 с. 7. Протасова О. В. Особенности субъективной системы отношений взрослых мужчин с различными типами правосознания: Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д, 2004. 169 с.

References

1. Gladkikh M. V. The notion of the individual juridical consciousness the light of the psychoanalytic theory: Dis. ... Cand. of Jur. Science. Stavropol, 2004. 181 p. 2. Golynchik E. O. Social representations of justice // World of Psychology. 2004. # 3. P. 108-116. 3. Gulevich O. A. Social representations of crime, criminals, victims and legal institutions officials: Dis. ... Cand. of Psychol. M., 1999. 264 p. 4. Eftremova G. Kh., Ratinov A. R. Study of juridical consciousness and public opinion on the crime and law enforcement. M., 1989. 119 p. 5. Petrulevich I. A. Generality of collective representations of the juridical consciousness in terms of differentiation of modern Russian society: Dis. ... Dr. of Soc. Science. Rostov-on-Don, 2009. 408 p. 6. Popov M. Yu. Legal socialization as a social order resource in the Russian society: Dis. ... Dr. of Soc. Science. Rostov-on-Don, 2006. 433 p. 7. Protasov O. V. Features of the subjective attitudes of adult men with different types of juridical consciousness: Dis. ... Cand. of Psychol. Rostov-on-Don, 2004. 169 p.

Literatura

1. Gladkih M. V. Ponjatie individual'nogo pravosoznaniya v svete psihoanaliticheskoy teorii: Dis. ... kand. jur. nauk. Stavropol'. 2004. 181 s. 2. Golynchik E. O. Social'nye predstavleniya o spravedlivosti // Mir psihologii. 2004. № 3. S. 108 116. 3. Gulevich O. A. Social'nye predstavleniya o prestuplenijah, prestupnikah, zhertvah i o rabotnikah pravovyh institutov: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1999. 264 s. 4. Efremova G. H., Ratinov A. R. Izuchenie pravosoznaniya i obshhestvennogo mneniya o prestupnosti i dejatel'nosti pravoohranitel'nyh organov. M., 1989. 119 s. 5. Petrulevich I. A. Obshhnost' kollektivnyh predstavlenij pravovogo soznaniya v uslovijah differenciacii sovremennogo rossijskogo obshhestva: Dis. ... d-ra soc. nauk. Rostov-n/D, 2009. 408 s. 6. Popov M. Ju. Pravovaja socializacija lichnosti kak resurs social'nogo porjadka v rossijskom obshhestve: Dis. ... d-ra soc. nauk. Rostov-n/D, 2006. 433 s.

7. Protasova O. V. Osobennosti sub#ektivnoj sistemy otnoshenij vzroslyh muzhchin s razlichnymi tipami pravosoznaniya: Dis. ... kand. psihol. nauk. Rostov-n/D, 2004. 169 s.

Статья поступила в редакцию 18.12.2014 г.